

к местным условиям, но оно, подчеркивает Дворник, всегда отстаивало и проводило византийскую идеологию. Так, столкнувшись на Руси с таким государственным строем, когда власть над территорией государства была поделена среди сыновей Ярослава при номинальном главенстве киевского князя, „греческие священники и их местные ученики“ поддерживали и единство русской земли, и единство русской церкви будто бы только потому, что духовенство было носителем „византийских политических принципов“. Дальнейшее дробление древнерусского государства в XII—XIII вв. показало ту подчиненную по сравнению с социально-экономическими условиями роль, которую могли играть прежние идеи, хотя бы и освященные византийским авторитетом. Что касается заинтересованности церкви в единстве русских земель, объясняемой Ф. Дворником идейными побуждениями духовенства, то и эта заинтересованность не может быть выведена лишь из желания воплотить те или иные идеи. Подчинение всей русской церкви одному киевскому митрополиту, сохранение владений церкви от разграбления половцами, регулярное и полное поступление доходов требовали такого единства.

В работе Ф. Дворника, целиком посвященной вопросу о значении византийских политических идей в истории политической мысли древнерусского государства, осталось невыясненным, к сожалению, что же из богатейшего византийского наследия оказалось негодным в новых условиях, какие византийские идеи, не найдя для себя почвы в общественном и государственном строе Руси X—XII вв., не были „перенесены“ и „воплощены“ в этой стране. Автор, например, только мимоходом упоминает о том, что на Руси порядок поставления епископов не совпадал с византийским. Он противоречил часто византийским каноническим правилам. Русские князья считали себя полномочными избирать кандидатов в епископы и смещать их¹⁵. Интересно отметить для выяснения политической идеологии домонгольского времени, что летописцы, эти идеологи феодального общества, из плена идей которых нелегко бывает выбраться и современному исследователю, не только не порицают князей за присвоение этой власти, но в некоторых случаях и прямо одобряют. Многочисленные жалобы в литературных памятниках на поставления „на мзде“ свидетельствуют о большом распространении симонии, осуждаемой византийскими канонами¹⁶.

Рассмотрению в этом плане мог бы быть подвергнут, например, и вопрос о различии в понимании в византийской политической и юридической литературе и на Руси порядка престолонаследия. В Византии, как известно, в силу определенных исторических условий возникла и бытовала идея о праве императора, пришедшего к власти в результате соправления, как божественном праве¹⁷. Эта идея благодаря защите ее в Житии Константина Философа была известна на Руси¹⁸, но не получила развития и практического воплощения.

Другим вопросом, без изучения которого нельзя обойтись при рассмотрении поднятой Ф. Дворником проблемы, является вопрос об отражении идеи о характере княжеской власти и взаимоотношении верховной светской и духовной власти в политической мысли Новгорода, прослеживаемой по древнейшим новгородским летописным сводам.

Наконец, существенным недостатком рецензируемой работы яв-

¹⁵ Например, в 1156 г. в Ростове или в 1168 г. в Чернигове.

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956, стр. 179.

¹⁷ N. G. Svoronos. Le serment de fidélité à l'empereur Byzantin et sa signification constitutionnelle. — REB, t. IX, 1952, p. 117.

¹⁸ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 13.